

**О прагматическом потенциале неопределенных местоимений
в современном медийном дискурсе**

*категория неопределенности, семантическая доминанта, язык СМИ,
интервью, интенциональность*

Категорию неопределенности относят к специфическим свойствам современного информационно-коммуникативного поля: в неопределенности видят основу «ухода от ответственности за информацию». Эту категорию рассматривают и в качестве одной из «семантических доминант в русском языке». В. В. Колесов среди характерных особенностей русского языка, отражающих ментальные признаки сознания, называет неопределенность высказывания ⟨...⟩, что «повышает степень уклончивости и размытость русской мысли, которая как бы скользит по яркости образа и пугливо сторонится определенности понятия. Сказать до конца ясно – прямо – значит открыться до времени и тем самым обезоружить себя ⟨...⟩» [Колесов 2004: 27].

Н. Д. Арутюнова, отмечая возрастание удельного веса категорий безличности и неопределенности в ходе развития русского языка, обращает внимание на то, что они использовались «для обозначения действий, обычно осуществляемых человеком сознательно и под контролем воли ⟨...⟩». «Не язык навязывает их говорящим, а говорящие навязывают их языку [Арутюнова 1999: 794].

Стало общим местом, вслед за Н. Д. Арутюновой, утверждать, что «неопределенность в языке и речи – отзвук неопределенности в суждениях человека» [Там же: 815]. Она включает показатели неопределенности, которые, по ее мнению, «значимы, но не необходимы», в фонд «свободной грамматики». «Более того, они часто избыточны» и «квалифицируются как речевой мусор» [Там же: 794-795].

Среди показателей неопределенности», относящихся к разноуровневым языковым средствам, неопределенные местоимения являются, пожалуй, наиболее востребованными в русском языке. Н. Д. Арутюнова характеризует это лексическое средство выражения семантики неопределенности как «знаки невыраженных или невыразимых смысловых компонентов: нескрытых причин событий, неясных мотивов поступков, неопределимых и неопределенных вариантов признаков, следы действия неведомых сил» [Там же: 823].

Как и в повседневной речи, в медийном дискурсе через использование неопределенных местоимений отражается уровень знаний носителей языка о предметах и явлениях действительности, их свойствах и качествах. Специально подчеркнем, что язык СМИ относят к одной из основных форм существования языка: язык СМИ, «обладающий огромной аудиторией, многообразными средствами информирования и воздействия, выдвигается в центр национального языка» [Солганек 2012: 8].

По нашим наблюдениям, в медийном дискурсе к неопределенным местоимениям обращаются не только из-за невозможности точно сформулировать ту или иную мысль, подобрать необходимое оценочное слово, но не менее часто – из-за отказа от точных формулировок в силу определенных коммуникативных задач. Говорящий, обладая знанием о референте, стоящем за неопределенным местоимением, не проявляет этого знания в коммуникации по вполне осозанным причинам. Для медийной сферы такими причинами являются вуалирование определенной позиции, того или иного мнения, а также намеренное сокрытие истины, сознательное введение в заблуждение, снятие ответственности за сообщаемое.

Способ оформления информации, определённый или неопределённый, зависит в конечном счете от коммуникативной интенции, которая задается «целью коммуникации в массмедиа – информирующим воздействием». Интенциональность, выступающая основой речевого поведения в массмедиа, «определяет содержание информации, речевую организацию и речеведательностную силу высказывания» [Дускаева 2012: 15].

Наблюдение за функционированием неопределенных местоимений заставляет вспомнить замечание Е. В. Падучевой о том, что «будучи навязано говорящему языковой картиной мира, значение неопределенности не всегда должно приниматься за чистую монету» [Падучева 1996]. Действительно семантика неопределенных местоимений далеко не всегда исчерпывается значением неопределенности. Этот вывод находит подтверждение при анализе такого медийного жанра как интервью.

Материалом исследования явились тексты интервью с Диной Рубиной, занимающие значительное место в публичной коммуникации одного из самых читаемых современных писателей, человека, которого с полным правом можно отнести к поликультурной личности. О себе Дина Рубина говорит: «*Но вообще-то, я – странная птица, непонятная. Кто я – русский писатель, живущий в Израиле? Израильский писатель, пишущий по-русски? В любом случае, я – маргинал. Боюсь, что мой вечный удел – обочина. Но на ней-то, как правило, самые интересные сценки и происходят*» (<http://chitaemvmeste.ru/interviews/ya-strannaya-ptitsa-intervyu>).

Во всех интервью Дина Рубина предстает как личность с отчетливо выраженной авторской позицией, без ее вуалирования, с проявлением авторского «Я», что можно считать реализацией стратегии самопрезентации как одного из признаков этого жанра и расценить как тактический прием аргументации. Такие конкретно-индивидуальные особенности ее личности, как умение четко представлять и отстаивать свою позицию, можно считать сознательным выбором именно подобной стратегии общения в форме публичного диалога.

Этой же цели реализации интенции убеждения служат и используемые Д. Рубиной модальные предикаты *необходимо, надо, должен, следует* со значением долженствования и необходимости, вводно-модальные слова со значением высокой степени уверенности, как и некоторые глаголы позиционального отношения.

Однако при этом в публичной коммуникации Д. Рубиной, если судить по интервью с ней, активно используются неопределенные местоимения,

наличие которых никак не свидетельствует о неопределенности позиции Д. Рубиной по отношению к обсуждаемым вопросам.

В исследуемых интервью представлены неопределенные местоимения различных серий, среди них местоимения на *-то*, которые Е. В. Падучева относит к «местоимениям неизвестности, то есть неопределенным для говорящего» [Падучева 2008: 210]. Однако в большинстве случаев Д. Рубина использует их не потому, что и *кто-то*, и *что-то* обозначают объект, который не может быть идентифицирован, а скорее всего, потому, что она и не ставит перед собой такую цель, как, например: *И непременно ко мне подходит кто-то из бывших ташкентцев, или пишет записку из зала. И я поддерживаю отношения с многими* (http://www.kultura.uz/view_9_r_6593.html). *Я приезжаю, и когда у меня есть три-четыре свободных дня, что-то записываю. (...), но затем к ней снова возвращаешься, и опять что-то добавляется. Бывает, с чем-то не соглашаешься, тогда текст остается таким, каким я считаю нужным его оставить* (<http://журнальныймир.рф/content/intervyu-s-dinoy-rubinou>). Представляется, что для Д. Рубиной значимой является сама сообщаемая информация, поэтому гораздо более важным является адекватное ее представление, конкретизация же отдельных ее составляющих не входит в намерение автора.

В ряде случаев вообще отсутствует необходимость в идентификации объекта, с помощью неопределенных местоимений подчеркивается отношение в целом к ситуации: *Он использует какие-то приметы, какие-то детали, какие-то внешние факты жизни, – это да, но при этом создает из них же совсем иную художественную реальность* (http://mignews.com/news/interview/world/231204_165406_72190.html).

В исследуемых интервью обращает на себя внимание достаточно широкое использование местоимений признаковой неопределенности *какой-то* и *какой-нибудь*: в составе именной группы они участвуют как в ситуациях с непрявленностью предмета (референции), так и в ситуациях, когда нужно подчеркнуть неопределенность признака. Например: *Вот если есть какой-то кусочек спокойной жизни, то мне хорошо работается. Возможно, еще придут какие-то плодотворные идеи в будущем* (<http://журнальныймир.рф/content/intervyu-s-dinoy-rubinou>).

Одна из причин обращения к неопределенным местоимениям как выразителям признаковой неопределенности была охарактеризована Н. Д. Арутюновой следующим образом: «Недоопределенность признаков вызвана ограниченностью семантических ресурсов языка или неумением ими пользоваться» [Арутюнова 1999: 820]. Думаю, что последнее замечание не имеет отношения к такому автору, как Дина Рубина.

Действительно в ряде случаев использование неопределенных местоимений объясняется затруднениями определенно охарактеризовать признак упоминаемого объекта информации в связи со сложностью его идентификации: *Если он (комплекс) – «неполноценности», то уж вовсе не «комплекс», а скорее отсутствие какой-то кардинальной черты в характере, невозможность почувствовать себя полноценной личностью* (<https://snob.ru/profile/25310/blog/51054>).

Кроме того, *какой-то* в дискурсе интервью используется в качестве средства актуализации признака как «отклонение от нормы, от стандарта»: «ощущение какой-то страшной несправедливости и обиды»; «каким-то невероятным вещам»; «о каком-то особом русском языке в диаспорах». Как видим, неопределенность значения определений-прилагательных никак не конкретизируется сочетающимися с ними неопределенными местоимениями, которые, подчеркивая значение «отклонения от определенного стандарта», указывают не столько на необычность самого признака, сколько на невозможность определить причины появления подобного признака. Назначение неопределенных местоимений заключается в оценивании объекта или в целом явления как трудно определимого, несколько необычного, причины возникновения которого не поддаются точному обоснованию.

Однако представляется, что столь распространенные в текстах интервью высказывания с *какой-то* часто преследуют иную цель – а именно отказать от пространного объяснения, имеющего отношение к свойствам обсуждаемого объекта: автор вполне обходится без «избыточных сведений» и надеется на подобное отношение со стороны адресата, как, например: *Давайте назовем вещи своими именами, что бы мы там не говорили о какой-то обетованной земле, о какой-то там родине народа, но это страна, говорящая на другом языке, это страна другой культуры* (<https://www.svoboda.org/a/27444730.html>).

В информационной среде формально выраженная смысловая неопределенность часто объясняется нежеланием использовать соответствующий определенный атрибут с тем, чтобы выразить свое, обычно негативное отношение, как, например: *ему непременно нужен был какой-то скандал политический. Такое впечатление, что он даже выращивал эти скандалы. (...) для четвертого – какие-то литературные премии*. В рассмотренных высказываниях с формальным показателем неопределенности признака неопределенное местоимение выделяет из класса признаков некую разновидность, которая никак не охарактеризована, причем в большинстве случаев не охарактеризована в силу вполне определенных интенциональных установок говорящего.

Д. Рубина обращается и к местоимениям серии *нибудь*, которые, как известно, востребованы в нереферентных ситуациях, когда нужно подчеркнуть, что «участвующий в событии элемент еще не выбран» [Падучева 2008: 215], как, например: *Я не считаю, что интеллигентом можно какого-нибудь тюленя назвать, который лежит, телевизор с одной программы на другую переключая, – для меня это всегда живой, как ртуть, человек беспокойный, иногда невыносимый, он свободен в своих суждениях, уважает себя и других, печалится, ему этот мир не нравится...* http://bulvar.com.ua/gazeta/archive/s55_67083/8966.html.

Однако прагматически обусловленная смысловая неопределенность приводит к снятию существующих в семантике неопределенных местоимений различий. Так, местоимения *какой-то* и *какой-нибудь* начинают выражать семантику «безразличия к выбору объекта». В дискурсе интервью

они употребляются в ситуациях, когда актуализируется признак несущественности, безразличия для говорящего при указании как на сам предмет, так и на его характерологические особенности. Семантика неопределенности приобретает оценочную коннотацию, причем доминирующим над значением неопределенности является именно аксиологический компонент, нередко негативный: *Проследите все кампании национальных конфликтов, причины и рычаги создания боевых организаций, покопайтесь... Непременнo обнаружите в зародыше какой-нибудь ненавистнический миф, вокруг которого сплачивается зло и ненависть* (<https://www.liveinternet.ru/users/4676123/post304884057/>). Но об этом лучше скажет какой-нибудь политолог (<https://www.znak.com/2017-05-29/>). Не могу перечислить какие-то имена, которые читаю непременно; как правило, это случается, когда меня просят прочитать какую-то рукопись (<https://eksmo.ru/interview/dina-rubina>).

Наряду с отмеченным значением несущественности, безразличия актуализируется значение «умаление значимости». Тимиологическая составляющая обоих признаков групп одинаковая: *какой-то и какой-нибудь*, являясь показателями «умаления значимости», относятся к идентификаторам нижнего уровня тимиологической оценки (всякие, разные). Е. И. Шейгал, вслед за А. Б. Пеньковским, называет значение, выражаемое этими местоимениями, как «обезразличивающее обобщение» и «обезразличивающая неопределенность». Эти значения выводят референт за пределы круга «своих» и тем самым индуцируют коннотацию пейоративного отчуждения» [Шейгал 2004: 121–122]. Например: *Можете вообразить чувства писателя, вынесшего на горбу, как бурлак, пятисотстраничный роман, когда он читает «прикольное мнение» какого-нибудь резвого журналиста, или выслушивает суждение какого-нибудь читателя, который «полистал тут вашу книжку, и считаю, что...»* (<http://chitaem-vmeste.ru/interviews/ya-strannaya-ptitsa-intervyu-s-dinoj>). Ведь когда ты живешь в какой-нибудь Франции, Дании, да хоть даже и в Израиле, где живут люди под сводом законов, ты себе и не представляешь, что происходит в какой-нибудь Кении. А там происходит издевательство над женщиной (<https://style.rbc.ru/impressions/58dd08779a79472dd3d26f52>).

С целью подчеркнуть неважность, незначительность предмета речи Д. Рубина использует, хотя и довольно редко, местоимения серии кое-, относящиеся к разряду слабоопределенных, например: *Ну и читаю кое-что, рассказываю, отвечаю на вопросы. Ничего официального, никаких торжеств и регалий* (<https://fakty.ua/196943-rubina>).

Более востребованным оказалось местоимение *некий*, которое, в отличие от разговорных *кое-кто/что/какой*, напротив, выступает как средство интеллектуализации текста. Это и *некий симбиоз темы любви в живописи и в литературе; в некой чувственной форме; это некий проект, который я осуществляю; это некий гигантский проспект; некую школу осознания того пройти*. Представляется, что востребованность этого местоимения объясняется сложностью и тем самым невозможностью однозначной квалификации объекта, а не его неопределенностью.

Как видим, вторичные, то есть прагматически обусловленные значения, стирая семантические различия между разными сериями местоимений, редуцируют и значение неопределенности как инвариантное для этой группы местоимений.

Литература

Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. / Н. Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.

Дускаева Л. Р. Интенциональность медиаречи: онтология и структура / Л. Р. Дускаева // Медиатекст как полиинтенциональная система. – СПб.: С.- Петерб. гос. ун-т, 2012. – С. 10–16.

Колесов В. В. Язык и ментальность / В. В. Колесов. – СПб: Петербургское востоковедение, 2004. – 240 с.

Падучева Е. В. Неопределенность как семантическая доминанта русской языковой картины мира / Е. В. Падучева // [Электронный ресурс]. URL: http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf/dominanta1_1996.pdf (дата обращения 11.09.2018).

Падучева Е. В. Высказывание и его соотносительность с действительностью: Референциальные аспекты семантики местоимений / Е. В. Падучева. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 296 с.

Солганик Г. Я. Введение / Г. Я. Солганик // Язык СМИ и политика. – М.: Изд. Московского университета, 2012. – С. 8-26.

Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. – М.: Гнозис, 2004. – 326 с.